

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Современная дискуссия среди российских и зарубежных ученых о необходимости государственного участия в управлении высшей школой в концептуальном плане опирается на признание образовательных услуг общественным или, напротив, частным благом. Авторы анализируют данные позиции и выдвигают собственную версию, основанную на концепции внешних эффектов.

Анализ характера образовательных услуг, в том числе предоставляемых высшей школой, необходим как с теоретической точки зрения, так и для принятия практических решений. Только определив, почему необходимо участие в управлении тех или иных субъектов, можно сформировать представления о сферах, принципах и необходимых инструментах управления. Это особенно важно в условиях реформирования российской высшей школы и механизма государственного управления ею.

Система управления социально-экономическими процессами в значительной степени зависит от характера производимых благ. Весьма распространенной является позиция, восходящая к поздним представлениям классической школы об образовательных услугах, как общественных благах, предоставление которых должно контролироваться государством. В частности, Дж. С. Милль, в целом будучи последовательным сторонником свободных рыночных отношений, писал, что организации образования производят услуги, качество которых не может контролировать потребитель. В связи с этим автор допускал вмешательство государства в процесс производства данных услуг: «В деле образования вмешательство правительства оправдывается потому, что в данном случае интересы и суждения потребителя не являются достаточной гарантией доброкачества товара» [1].

Как видим, образовательные услуги понимаются Д.С. Миллем как подконтрольные обществу через систему государственного контроля. Необходимость государственного вмешательства связана с невозможностью потребителя произвести реальную оценку потребляемого блага. Иными словами, характер блага (товара, услуги) в качестве час-

тного или общественного определяется в сфере потребления, а центральной функцией процесса является контроль. Важно, что качество, и в широком смысле, полезность в данной концепции становятся двойственными. С одной стороны, полезность определяется самим субъектом, предъявляющим спрос на услугу, т.е. является субъективной полезностью в классическом понимании, предложенном Ж. Сэем, Ф. Бастиа, Г. Госсеном, К. Менгером и др [2]. С другой стороны, она, как следует из посылки Д. Милля, имеет некоторую объективную полезность, отражаемую в требованиях общества (персонифицированного в лице государства). В то же время легко предположить, что в процессе государственного контроля возникает всего лишь иная оценка услуги, т.е. другая субъективная полезность, принципиально не отличающаяся от оценки потребителя. В этом случае государство не персонифицирует общество, а выступает от своего имени, определяя полезность для самого себя, т.е. государственных структур. Данная позиция не декларируется представителями классической школы, но она прямо вытекает из требований государственного контроля за качеством образования. Иначе нет оснований для вмешательства в процесс купли-продажи услуги третьего лица – государства.

Признавая полезность в качестве важнейшей характеристики товара, услуги (ведь именно она в итоге контролируется государством) следует учитывать принципиальную невозможность сделать ее объективную оценку на основе двух суждений. Рассматривая соотношение суждений и объективности, отраженной в понятии, Г. Гегель писал: «Если уверяют: «Это действие хорошо», то противоположное уверение: «Это действие дурно» – столь же правомерно. – Иначе говоря, если рассматривать

это суждение само по себе, то окажется, что так как субъект суждения есть непосредственное единичное, то в этой абстрактности им еще не положена в нем определенность, которая содержала бы его соотношение со всеобщим понятием; таким образом, для него еще случайность – соответствовать или не соответствовать понятию. Поэтому суждение есть по существу проблематичное» [3].

Ф. Бастиа, рассматривая возможность участия третьих лиц в соглашении двух других, писал, что это можно допустить только при соблюдении трех условий: «...решение этого лица должно быть свободным от принуждения (что принципиально невозможно в условиях государственной вертикали, *авт.*)... это лицо должно быть непогрешимо, потому что не стоит труда одну погрешность заменять другой, я же предпочитаю в этом случае погрешность заинтересованного лица... третье условие – чтобы это лицо не получало за это никакой платы» [4]. Как видим, из всех условий только третье с известными оговорками можно считать выполнимым при государственном контроле качества услуг, отношения по поводу которых возникают между их производителем и потребителем.

Как видим, теоретические положения классической школы позволяют выдвинуть две версии относительно содержания образовательных услуг, в большей степени касающиеся именно высшей школы, поскольку в условиях всеобщего среднего образования роль государства является принципиально иной. Первая – услуги высшей школы являются частными, вторая – эти услуги двойственные, т.е. носят смешанный (частно-общественный) характер.

Современная экономическая теория, основанная в значительной степени на концепции предельной полезности благ, связывает потребление любого товара или услуги с субъективными представлениями потребителя об их ценности. Отнесение товара или услуги к частным или общественным благам связывается со сферой обмена, поскольку в его отсутствие нет смысла вообще говорить об индивидуальных предпочтениях. В тех случаях, когда потребитель получает некоторые продукты или услуги, ничего не предоставляя

взамен, то благо не может носить частный характер. Соответственно, если государство прямо предоставляет образовательные услуги, то, в соответствии с данной концепцией, они являются общественными благами по определению, независимо от степени полезности для индивида. Общественное благо в этом случае возникает вне сферы обмена. На это справедливо указывают Д. Бреннан и Д. Бьюкенен: «Если «общественное благо» существует в смысле такого объективного и независимого от индивида бытия, то отсюда прямо следует, что человек, стремящийся к нему, получает свои ценности из какого-то внешнего по отношению к нему источника» [5].

Таким образом, если государство само производит указанные услуги, оно является либо равноправным участником сделок, реализующим их на рынке, либо поставщиком общественных благ, предоставляющим их на безвозмездной основе конкретному потребителю. То, что общество неизбежно оплачивает производство любых товаров и услуг, уплачивая налоги, сборы и иным образом финансируя государство, не имеет отношения к конкретной услуге, поэтому для получающего ее лица, она является безвозмездной, лежит вне сферы рыночного обмена. Такой вывод неизбежно вытекает из анализа сферы рыночного обмена.

В то же время, анализ фазы обмена недостаточен для характеристики производимых и потребляемых благ. Важно определить характер услуг в воспроизводственном процессе в целом, т.е. в фазах производства, обмена, распределения и потребления. Исследование воспроизводственного процесса в вышеуказанном смысле, показывает, что любой товар и услуга являются одновременно частными и общественными.

Частными они являются в том смысле, что потребитель в любом случае осуществляет сознательный выбор, даже если не участвует собственно в обмене. Выбор неизбежен уже в силу того, что всегда имеют место альтернативные издержки, связанные с потреблением конкретного товара или услуги. Выбор обучения в высшей школе как сферы деятельности, понимаемой в широком смысле, предполагает отказ от участия в иных процессах, в частности,

студент на определенное время отсрочивает свое участие в производстве, теряя при этом возможные доходы. Иными словами, даже если государство предоставляет бесплатные услуги в сфере высшего образования, то налицо упущенные возможности потребителя в иных областях, если, конечно, оно не является обязательным и всеобщим. То же относится к различного рода услугам дополнительного и послевузовского образования.

Общественный характер воспроизводства товаров и услуг вытекает из взаимосвязей людей в этом процессе. Как отмечают Д. Бреннан и Д. Бьюкенен: «Индивиды, выступающие в качестве покупателей и продавцов, имеют дело с другими индивидами, находящимися на противоположной стороне рынка и воспринимают их именно как представителей рода людского. В таких случаях экономическое отношение является отношением *общественным*» [6]. В итоге авторы делают вывод, что постулирование существования объективно определяемого общественного блага несоместимо в контракционистским видением экономических процессов [7]. В известном смысле все товары и услуги являются общественными. Помимо аргументов, представленных цитированными выше Д. Бреннаном и Д. Бьюкененом следует указать, что от производства и потребления любого товара зависит состояние социально-экономической системы страны в целом. Какое из благ полезнее, важнее – вопрос субъективной оценки, а не объективного состояния рынка товаров и услуг. Позиция представляет интерес с точки зрения логического построения, однако она не дает возможности подойти к классификации состава товаров и услуг на основе использования концептуальных положений в практике управления социально-экономическими процессами, в том числе – сферой образования в целом и высшей школой в частности.

Среди отечественных исследователей экономического содержания образования достаточно отчетливо проявляется прагматический подход. Авторы, преимущественно исходя из того, что признание образования частным благом нанесет ему ущерб в экономическом смысле и подорвет финансовую базу высшей школы.

Так, И. Майбуров считает, что сфера высшего образования обеспечивает производство общественных благ. Отнесение их к смешанным или частным благам, по мнению автора, автоматически влечет уход из этой сферы государства и распространение рыночных механизмов в чистом виде [8].

На наш взгляд, в данном случае имеет место смешение теоретической конструкции и практических требований к участию государства в образовательном процессе. Теоретически вопрос заключается в том, что является общественным благом, практически – в том, является ли отнесение общественных к категории общественных единственным основанием для государственного вмешательства.

Нормативную по сути позицию занимает И. Ильинский, отмечая, что образование, как общественное благо, должно быть доступно каждому, кто хочет и способен обучаться [9]. Доказательством необходимости образования в данном случае является его изначальное отнесение к совокупности общественных благ.

В. Колесов, исследуя взаимосвязи рынка образовательных услуг и ценностей образования, отмечает, что основной функцией образования является передача новым поколениям знаний, умений и навыков (обобщенно – знаний) с целью удовлетворения разнообразных потребностей личности и общества. По отношению к индивиду передача знаний выступает в виде услуги особого рода – образовательной услуги. Автор рассматривает данную услугу как экономическое явление, для анализа которого целесообразно использовать весь спектр категорий, характеризующих рыночные отношения – поставщик, потребитель, провайдер и пр. В то же время большинство людей видит в образовании общественный институт, который выполняет задачи обучения и воспитания личности. В связи с этим применение рыночного и вообще экономического подхода к образованию считается некорректным. Сам автор считает, что граница между рынком и нерыночным началом проходит внутри экономики образования. Вне рынка наряду с заведомо неэкономическими ценностями существуют и нерыночные экономические цен-

ности, связанные со свойствами образовательной услуги выступать в качестве общественного блага, под которым в теории понимается благо, доступ к которому не может быть ограничен и потребление которого возможно одновременно многими людьми. В итоге автор делает вывод о сочетании в образовательных услугах свойств частной и общественной. Наличие признаков общественного блага объясняет причину высокого удельного веса оплачиваемых обществом затрат на образование [10].

Следует согласиться с тем, что экономические отношения не сводятся к рыночным. В то же время, мнение И. Ильинского относительно специфичности образовательных услуг в равной степени может быть отнесено к любой другой услуге или товару. Каждый товар отличается от других и становится товаром именно в силу того, что его потребительная ценность (потребительная стоимость) отличается от потребительной стоимости других товаров. С другой стороны, товаром может стать только тот продукт или услуга, объем которых ограничен. Это – не основание для претензий на особую роль в общественном развитии. Представленная автором характеристика общественного блага, как особой разновидности товаров и услуг, потребление которых возможно одновременно многими людьми, также недостаточно. Можно отметить, что целый ряд услуг, в частности в сфере культуры и спорта характеризуется именно тем, что их потребление осуществляется одновременно многими людьми. Это не мешает относить их к частным благам как в теории, так и на практике.

Весьма пессимистично оценивает состояние и перспективы высшего образования в России как общественного блага Л. Гребнев, который обосновывает свою позицию глобальными переменами в соотношении сил между управляющей и управляемой подсистемами социально-экономической системы страны («верхи» и «низы» в терминологии автора). Автор выдвинул идею о том, что в конце прошлого – начале нынешнего века произошло фактическое освобождение управляющей подсистемы от управляемой, что, в свою очередь, освободило управляющую

систему от необходимости заботиться о расширенном воспроизводстве работников (как в количественном, так и в качественном отношении). Очевидными, по мнению автора, результатами такого освобождения стало сужение географического пространства России, миграция населения в центральную и южную часть страны, суженное демографическое воспроизводство населения. В связи с этим, высшее (и вообще любое) образование должно приобрести новый смысл для управляющей подсистемы, оправдывающий наличие управляемой подсистемы с определенными количественными и качественными параметрами. Поэтому главным отличием современного образования является переход обучающегося с позиций объекта образовательного воздействия на позицию субъекта, получающего в ходе своего собственного образования разные услуги, связанные с освоением им чужих знаний, овладением новыми компетенциями, объективной оценкой результатов его собственной образовательной деятельности, осуществляемой как индивидуально, так и совместно с другими людьми [11]. Иными словами, высшее образование в России, изначально являющееся смешанным благом, становится все более частным, общественная составляющая утрачивается.

На наш взгляд, сказанное относится не только к сфере образовательных услуг. Отказ от оценки государства как единственного выразителя общественных интересов привел к реформированию социально-экономической системы страны в начале 90-х годов прошлого века и положил начало развитию рыночных отношений. Исключение образования из этой сферы, основанием для которого является изначально, априорное признание образовательных услуг в качестве общественного блага, неизбежно приведет к диспропорциям в воспроизводстве факторов производства, основанном в целом на рыночных (контрактных) отношениях. Следует признать, что образовательные услуги высшей школы в системе рыночных отношений являются частными. Нет никаких оснований считать, что определенный уровень образования в большей степени важен для общества, чем, например, питание достаточного

качества, в отношении которого, кстати, потребитель тоже далеко не всегда может вынести квалифицированное суждение.

Поэтому следует различать общественные и частные блага как вневременные и конкретно-исторические категории. Как мы показали выше, любой товар или услуга имеют черты общественных в общекатегориальном плане. В условиях рыночных отношений содержание общественного блага трансформируется, сужается. Товар или услуга приобретают черты общественного блага, если их производство необходимо для общества, но не поддается регулированию посредством рыночных механизмов. Опыт российских реформ показал, что внедрение элементов рыночных отношений в сферу высшего образования сильно трансформировал его структуру даже в условиях сильного государственного управления. Поэтому с теоретических позиций наиболее обоснованным мы считаем мнение Э. Аткинсона и Д. Стиглица, отмечающих, что общественные блага имеют три важнейших свойства: дорогостоящее исключение кого-либо из состава участников потребления; нерегулирующий спрос; низкие издержки обеспечения благом дополнительных индивидов [12]. Услуги высшей школы не отвечают ни одному из данных признаков, следовательно, являются частным благом.

В то же время следует отметить, что опасность самоустранения государства в России от управления процессами высшего образования вполне реальна. Справедливо замечание цитированного выше И. Майбурова: «Практики же, как показывает наш опыт реформ, очень быстро внедряют новации, аргументировано показывающие необходимость переложения финансовых обязательств государства на «плечи» своих граждан» [13].

Однако, государство во всех странах с развитой рыночной экономикой осуществляет производство не только общественных, но и частных благ. Государство может участвовать в производстве частных благ двояким образом. Наиболее простой формой такого участия является предоставление образовательных услуг, в том числе – высшей школой на безвозмездной основе. При этом оно правомерно определяет состав требований к

их потребителю. Последний, в свою очередь осуществляет свободный выбор конкретного высшего учебного заведения, его местоположения, специальности (направления) и т.п. Таким образом, и производитель, и потребитель руководствуются общими принципами рыночных отношений.

Могут быть два основания для предоставления государством такого рода услуг: признание образования базовой ценностью в данной социально-экономической системе и необходимость в кадрах соответствующей профессии и квалификации для функционирования государственного сектора экономики. В первом случае государство не берет на себя обязательств по трудоустройству выпускника высшего учебного заведения, поскольку оно удовлетворило окончательную потребность потребителя услуг. Воспроизводственный цикл на этом закончен. Во втором случае государство предоставляет не только образовательные услуги, но и соответствующие рабочие места по окончании обучения. Образовательные услуги становятся частью воспроизводственного цикла государственного сектора экономики. Отношения такого рода можно рассматривать как квазирыночные, имеющие в целом контрактную основу, но не предполагающие эквивалентности в обмене и в значительной степени индивидуализированные, ориентированные на конкретное лицо, в отличие от теоретически чистых рыночных отношений, не связанных с личностями производителя и потребителя товаров и услуг.

Второй способ представляет собой фрагментарное участие государства в образовательных процессах, целиком основанных на контрактных отношениях. Существует целый ряд оснований для государственного вмешательства в отношения подобного рода, наиболее известным из которых является устранение провалов рынка или их последствий. Основанием для такого участия являются также сильные экстерналии, возникающие в результате функционирования образовательной системы. Действительно, внешние эффекты в рыночных сделках имеют место всегда, но в ряде случаев общественные издержки могут существенно превосходить частные. Значимость, «существенность»

разрыва в издержках зависит от уровня развития и институционального устройства общества. основоположник концепции внешних эффектов, как основания для государственного вмешательства в социально-экономические процессы, А. Пигу считал, что в компетенцию государства входит определение минимума набора товаров и услуг, потребляемых населением, в том числе требования к жилищным удобствам, медицинскому обслуживанию, образованию, питанию, досугу, санитарной службе и т.п. [14].

Невозможность оценки длительных перспектив развития социально-экономической системы на микроуровне, как производителями, так и потребителями услуг высшего образования, их ориентация на текущее со-

стояние дел принципиально отличает высшую школу от иных подсистем социальной сферы. В общем случае экстерналии возникают непосредственно в момент производства и потребления товаров и услуг и легко прогнозируются всеми участниками рынка, вызывая, естественно, пролонгированные, трудно прогнозируемые эффекты второго, третьего порядка и т.д. Но в случае с высшим образованием пролонгированные экстерналии возникают на первом уровне, что и вызывает непосредственную потребность в государственном управлении высшей школой. Степень и характер участия государства в управлении определяется рядом особенностей высшего образования, имеющих частный характер, хотя и достаточно значимых.

Список использованной литературы:

1. Аткинсон Э.Б. Лекции по экономической теории государственного сектора / Э.Б. Аткинсон, Д.Э. Стиглиц / М.: Аспект Пресс, 1995. – С. 651-671.
2. Бастиа Ф. Трактат политической экономики / Ф. Бастиа / М.: Дело, 2000. – С. 22-88;
3. Бастиа Ф. Экономические гармонии / Ф. Бастиа // М.: Дело, 2000. – С. 160-214.
4. Бреннан Дж. Причина правил. Конституционная политическая экономия / Дж. Бреннан, Дж. Бьюкенен / СПб.: Экономическая школа, 2005. – 272 с.
5. Гегель Г.В. Ф. Наука логики / Г. Гегель / М.: Мысль, 1998. – 1072 с.
6. Гребнев Л. Образование в России: документы и размышления / Л. Гребнев // Высшее образование в России. – 2005. – № 1. – С. 15-29.
7. Ильинский И. Об экономической природе современного отечественного образования / И. Ильинский // Высшее образование в России. – 2004. – № 9. – С. 39-52.
8. К. Менгер, Е. Бем-Баверк, Ф. Визер. Австрийская школа в политической экономии. – М.: Экономика, 1992. – 494 с.
9. Колесов В. Рынок образовательных услуг и ценности образования (между ВТО и Болонским процессом) / В. Колесов // Высшее образование в России. – 2006. – № 2. – С. 3-8.
10. Майбуров И. Финансирование высшего образования: «национальные особенности» / И. Майбуров // Высшее образование в России. – 2004. – № 10. – С. 31-37.
11. Милль Д.С. Основы политической экономии. Т. 3 / Д.С. Милль. – М.: Прогресс, 1981. – 447 с.
12. Пигу А. Экономическая теория благосостояния. В 2-х т. / А. Пигу / М.: Прогресс, 1984. – Т. 2. – 454 с.